

18+

Наталья Ломоносова

Девочка из города, которого нет

Наталья Юрьевна Ломоносова
Девочка из города,
которого нет.
Книга-погружение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73588888

ISBN 9785006949249

Аннотация

Моя книга открывает то, что мы часто прячем глубоко внутри: страхи, надежды и нерастраченную любовь. Она не «будоражит» ради боли, она раскрывает вашу эмоциональную сферу, помогая вам осознать – если я смогла сохранить свет, пройдя через это, значит, этот свет есть и в вас.

Содержание

Предисловие. Аромат новой жизни	6
ГЛАВА 1.ЗАПАХ РАЯ	9
Аромат, с которого началась я	9
Горькие дубки и тайна огня	11
Янтарное спасение: Абрикосовое лето	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

**Девочка из города,
которого нет
Книга-погружение**

**Наталья Юрьевна
Ломоносова**

© Наталья Юрьевна Ломоносова, 2026

ISBN 978-5-0069-4924-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие. Аромат новой жизни

Меня зовут Наталья. Сегодня я живу в Краснодарском крае, поближе к горам, чей силуэт напоминает мне о детстве. В 47 лет я совершила то, что многим кажется безумием: оставив за плечами 25 лет брака, могилы родителей, и прошлую жизнь, я уехала «в никуда». Уехала, чтобы снова найти себя.

Я – мама пятерых детей: четверых сыновей и маленькой дочки, которая сейчас ходит в четвёртый класс. Мои дети – это мой главный успех, мой смысл и моя опора. Но чтобы стать той, кто я есть сейчас, мне пришлось пройти через огонь. В прямом смысле слова.

Я родилась в Грозном. Единственный ребёнок, любимица, «золотая» медалистка с огромными мечтами о большой и чистой любви. В моих планах был университет, наука и мирное небо. Но в мои планы вмешалась большая политика.

Моя юность пахнет не духами на выпускном балу, а порохом и подвальной сыростью. Мои первые шаги во взрослую жизнь совпали с первыми залпами орудий. Я видела, как рушится мир, но верила, что любовь спасёт меня. Первый университет, замужество, рождение первенца... Кажется, жизнь налаживается, но 1999 год снова сорвал нас с места. Статус «вынужденных переселенцев», чужие квартиры,

годы скитаний в Саратовской области, попытки просто выжить и сохранить человечность.

Эта книга – не просто мемуары. Это моя попытка собрать по кусочкам ту девочку с золотой медалью, которой я была до того, как война и жизненные бури изменили мой маршрут. В этой первой части я хочу провести вас по дорогам моего Грозного – города, которого больше нет, но который навсегда остался в моей памяти. Мы пройдем этот путь вместе: от детских мечтаний до того момента, когда я надела свадебное платье, ещё не зная, что впереди у меня – целая жизнь, полная потерь, обретений и пятерых прекрасных продолжений меня.

Иногда, чтобы начать жить, нужно вернуться в самое начало. К запаху родного двора, к верности старого пса и к той себе, которая ещё умела верить в чудеса.

Эта книга – не просто история. Это книга-погружение.

Зачем вам открывать эти страницы? Не для того, чтобы просто узнать ещё одну биографию.

– Чтобы заставить зазвенеть все струнки вашей души. Мы живём в мире, где чувства часто притупляются. Моя история – это «эмоциональный камертон». Она очищает, заставляет сердце биться чаще и возвращает способность чувство-

вать жизнь остро, как в детстве.

– Это опыт тотального погружения. Благодаря запахам и деталям, которые я бережно сохранила, вы не будете просто читать – вы будете *находиться* там. Вы почувствуете вкус хлеба в подвале, аромат акации в Грозном и ледяной ветер перемен. Это эффект присутствия, который меняет восприятие реальности.

– Чтобы найти свет в собственной темноте. Моя книга открывает то, что мы часто прячем глубоко внутри: страхи, надежды и нерастраченную любовь. Она не «будоражит» ради боли, она раскрывает вашу эмоциональную сферу, помогая вам осознать – если я смогла сохранить свет, пройдя через это, значит, этот свет есть и в вас.

4. Чтобы слышать резонанс. Бывают книги, которые читаешь глазами, а бывают те, что читаешь кожей. Моя цель – чтобы ваша душа отозвалась на мою, чтобы вы почувствовали: вы не одиноки в своих испытаниях.

Эта книга нужна тем, кто хочет снова почувствовать себя по-настоящему живым.

ГЛАВА 1. ЗАПАХ РАЯ

«У детства нет возраста. У него есть только вкус спелых яблок и запах рая, который мы потом всю жизнь пытаемся вдохнуть снова, чтобы вспомнить – кто мы на самом деле».

Аромат, с которого началась я

Если закрыть глаза и попытаться дотянуться до самой первой точки в пространстве памяти... Если у осознания себя есть свой запах, то моё пахнет раскаленным на солнце камнем, горьковатым церковным ладаном и чем-то бесконечно сладким.

Тот день был прошит золотыми нитями солнечного света. Я не знаю, сколько мне было лет – три, четыре? Возраст тогда не имел значения, имело значение только присутствие. Мы стояли во дворе храма, и мир вокруг казался огромным, белым и звенящим от жары.

– Мам, а почему мы так долго здесь стоим? – я потянула маму за руку. Её ладонь была мягкой и прохладной, как спасение.

– Потому что к самому важному нужно идти не спеша, Наташенька, – тихо ответила она, поправляя на мне платьи-

це. – Нужно набраться терпения.

Отец стоял рядом. Его фигура закрывала меня от палящего солнца, создавая надежную, пахнущую домом тень.

– Потерпи, дочка, – папа присел на корточки, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. – Сейчас зайдем внутрь, и ты почувствуешь что-то особенное.

Я помню это «особенное». Помню полумрак храма после слепящей улицы и тот самый удивительный, неземной вкус на губах. Сладкий, терпкий, обволакивающий. Это было как поцелуй самого неба. Я не знала тогда слов «причастие» или «крещение», я просто знала: теперь я под защитой.

Вечер того дня окутал дом тишиной. Я лежала в своей кроватке. Она была железной, с высокой спинкой из прохладных прутьев. Но в изголовье, прямо у моей подушки, появилось нечто новое.

Я протянула руку и коснулась его. Маленький крестик. Он висел на сиреневой веревочке, завязанной простым узелком на железной перекладине. Сиреневый – цвет сумерек и фиалок.

– Он будет охранять твои сны, – прошептала мама, целуя меня в лоб.

Я закрыла глаза. Сладкий вкус всё еще таял на губах, а железная спинка кровати больше не казалась холодной. У меня был мой крестик на сиреневой ниточке и мой собственный аромат – аромат начала жизни.

Горькие дубки и тайна огня

Если плотно закрыть глаза и позволить сознанию провалиться в темноту, я нащупываю тонкую, вибрирующую ниточку. Она ведёт меня не в кондитерскую со сладостями, а в пыльный двор нашего дома в Грозном. Там, у самого забора, в тени старых деревьев, живет мой самый первый аромат.

Это не нежность. Это вызов. Терпкий, горьковатый, «взрослый» запах хризантем, которые мы, дети, ласково называли «дубками». Их листья, резные и плотные, хранили в себе пугающую тайну: если сорвать один и с силой растереть в ладонях, воздух вокруг взрывался ароматом такой силы, что перехватывало дыхание. В этой горечи была какая-то первородная честность. Хризантемы не заигрывали, не пытались казаться розами. Они просто были – стойкие, осенние, настоящие.

Моё детство в Грозном было натянуто, как струна, между двумя бесконечными полюсами.

Первый полюс – Мама. Она была стержнем нашего дома, его непоколебимым порядком и звенящей тишиной. Мама пахла свежесглаженным бельём, крахмалом и едва уловимым холодом осеннего утра. Её любовь не была обволакивающей ватой, она была каркасом. – Наташа, не пачкай платье. Сложи вещи. Не шуми... Её голос, спокойный и ровный, от-

секал всё лишнее, всё «неправильное». В её мире у каждой вещи было свое место, а у каждой эмоции – свой регламент.

Второй полюс – Папа. Папа был ветром, который врывается в этот стерильный порядок. Он пах свободой, бензином, приключениями и чем-то очень надёжным. – Ну что, «дубок» мой, засиделась? Айда в сад! – папа заговорщически подмигивал, и я знала: сейчас начнётся магия нарушения границ.

Мы выходили в сад, и я жадно пила этот воздух. Там горький аромат «дубков» смешивался с запахом развороченной земли – папа готовил её к зиме, вкладывая в почву новую жизнь. Мы сгребали сухую листву в огромные, шуршащие горы. Для мамы это был «мусор», который нарушал эстетику двора. Для нас с папой – золотые россыпи, хранящие тепло уходящего солнца.

А потом был звук. Чирканье спички о коробок – короткий, сухой щелчок, и в небо взмывал тонкий, сизый, невероятно уютный дымок. – Пап, а можно картошку? – я шептала это, воровато оглядываясь на окна дома, где мама в белом фартуке наверняка уже сервировала идеальный, «чистый» ужин. – Нужно, Наташка! Какая осень без костра?

Папа доставал из пепла чёрные, обугленные шарики. Мое первое в жизни причастие к тайне огня. Мы сидели на корточках, папа доставал из кармана заветный коробок, но в нем были не спички, а крупная, серая соль. – На, соли густо, так вкуснее, – он разламывал горячий, дымящийся клубень,

и пар обжигал мне лицо, смешиваясь с прохладой вечера. – Только маме не говори, что мы прямо руками... заворчит.

Я ела эту картошку, впиваясь зубами в рассыпчатую мякоть, пачкая нос и пальцы черной сажей. В эти минуты я была абсолютно, оглушительно счастлива. Горький сок «дубков» на ладонях, едкий дым, щиплющий глаза, и обжигающая соль на губах – это и было мое спасение.

Мамина строгость научила меня стоять прямо, держать спину и встречать удары судьбы с ясным лицом. Папины костры научили меня главному – способности согреться изнутри, когда мир снаружи становится ледяным.

Я росла единственным ребенком, зажата между «надо» и «можно», между маминым «тише» и папиным «выше». И именно там, в том грозненском саду, я поняла: жизнь – это не только белые воротнички. Жизнь – это аромат пепла, из которого завтра обязательно прорастут новые хризантемы.

Мамина сдержанность стала моим фундаментом, моим берегом. Папина радость стала моей рекой, моей силой. Чтобы быть целой, мне нужны оба.

Узоры на ковре и холодный февраль

Если долго всматриваться в хитросплетения шерстяных нитей на настенном ковре, то можно увидеть, как оживают целые миры. Если у детского воображения есть свой путь, то

мой пролегал через густые ворсистые леса, извилистые дороги и таинственные города, спрятанные в геометрических фигурах над моей кроватью.

В детстве сон не всегда приходил ко мне по первому зову. Я лежала в темноте, и страх – липкий, необъяснимый – нашептывал, что если я не усну, случится что-то непоправимое.

– Мам, я не могу... – шептала я, когда дверь приоткрывалась, впуская полоску света из коридора. – Мне страшно, что сон не приходит.

Мама садилась на край кровати, и от неё пахло чем-то родным и успокаивающим. Она доставала маленькую белую баночку. – Не бойся, Наташенька. У меня есть волшебные таблетки для сна. Вот, выпей одну, и сны сами тебя найдут.

Это были всего лишь простые витаминки, но для меня они становились мощнейшим щитом. Я проглатывала «магию», слушала мамин голос, читающий сказку, и постепенно узоры на ковре превращались в добрых стражников моего покоя.

Но главным моим учителем в этом мире была бабушка. Она открыла мне дверь в мир слов, когда мне было всего три года. Пока другие дети только учились складывать кубики, я уже выводила слоги. – Guten Morgen, Наташа! – улыбалась она, вплетая в русскую речь строгие, но красивые немецкие слова. – Sag: «Danke». Будь вежливой с этим миром, и он откроется тебе.

Бабушка была моим интеллектуальным фундаментом.

Но её присутствие в моей жизни было отмечено коротким сроком – всего десять лет.

Я отчетливо помню то утро. Февраль. Февраль всегда пахнет застывшей сталью и колючим снегом. Я проснулась от странной тишины, которая была тяжелее любого шума. В тот ранний час, когда небо еще было серым, я поняла: бабушка ушла.

В тот миг моя детская душа впервые «окаменела». Это было не просто горе, это было ощущение, что из фундамента моего мира выбили самый важный камень. Холод февраля тогда пробрался под одеяло, и никакие «волшебные витаминки» больше не могли вернуть тот беззаботный сон. Я стала старше за одно утро.

Пар над асфальтом и тайны железных кроватей

Если закрыть глаза и вдохнуть полной грудью, я всё ещё чувствую этот специфический, тяжёлый дух – густой, влажный, пахнувший дождём и сырой нефтью. Грозный моего детства не был городом парков, он был городом-заводом. Он гудел, вибрировал и дышал через высокие трубы, которые казались мне, маленькой, колоннами, подпирающими небо.

Утро всегда начиналось со спешки. Ритм задавали не будильники, а заводские гудки. – Наташа, быстрее, – мамина рука, сухая и крепкая, тянула меня вдоль бесконечного серого забора детского сада. Бетон казался мне вечным.

Только что пролился кавказский ливень – короткий, яростный и шумный. Раскаленный асфальт жадно пил эту воду, и в ответ воздух взрывался облаками густого, дрожащего пара. Этот запах прибитой пыли и влажного жара был моим личным «ароматом тревоги».

– Мам, не уходи... – я вцеплялась в её ладонь, стараясь впитать её тепло про запас. – А вдруг ты меня тут оставишь? – Глупости какие, Наташенька. Смена кончится – и я сразу за тобой. Ты и оглянуться не успеешь. Но я знала: за калиткой время останавливается. Там, за бетонным забором, меня ждал мир, где нужно было выживать.

В группе меня уже караулила Маша. Она была похожа на маленького, острого зверька – быстрая, злая, с колючим взглядом. Маша умела делать больно незаметно: ущипнуть под столом или, что еще страшнее, впитаться зубами в руку, пока воспитательница отвернулась к окну. – Опять плачешь? – шептала Маша, проходя мимо и до боли сжимая мой локоть. – Твоя мама уехала на самый край завода... Она там и останется. От этих слов в горле вставал ком, но тут приходило спасение. Завтрак.

Запах горячего молочного супа, сладковатый пар над тарелкой и чай с молоком. Это было моё единственное убежище. Я ела медленно, чувствуя, как сливочное тепло разливается внутри, вытесняя страх. Пока я ем этот суп – я в безопасности.

А потом наступал «Тихий час». Время замерших теней.

Мы ложились в железные кровати, которые противно скрипели при каждом вдохе. – Таня, ты спишь? – мой шепот тонул в подушке. – Нет, – отзывалась Таня с соседней кровати. – Строишь? – Смотрю...

Мы обе, затаив дыхание, пялились на спинки наших кроватей. Железные трубы-стойки были прикрыты черными пластиковыми заглушками. В детском воображении эти заглушки были дверями в другой мир. – Он там, – шептала Таня. – Я видела, как крышка дернулась. – Кто? – у меня замирало сердце. – Тот, кто там живет. Маленький, серый, с длинными пальцами. Он ждет, когда все уснут, чтобы выйти и забрать наши сны.

Мы лежали неподвижно, скованные этим сладким, общим ужасом. И в этом страхе рождалась наша первая, настоящая дружба. Бояться монстра под пластиковой крышкой вдвоем было почти... весело. Это была наша тайна, которая делала нас сильнее кусачей Маши.

Но день неумолимо таял. Я выходила на веранду и смотрела на калитку. Асфальт уже высох, пар исчез, остался только запах пыльного, уставшего города. И вдруг – тень. Родная, быстрая, решительная. Мама!

Я летела к ней через весь двор, будто за спиной вырастали крылья. – Ну что, «садик» закончился? – мама обнимала меня, и от её одежды пахло чем-то сложным: металлом, машинным маслом, заводом и... домом. – Закончился, мамочка!

Мы шли домой, и я чувствовала себя победителем. Меня не оставили. А монстры в железных стойках остались там, в пустом саду, запертые под своими черными крышками. Они были бессильны, потому что за мной пришли.

Детство – это когда страхи огромны, как нефтеперерабатывающий завод, а счастье – это просто вкус молочного супа и мамина рука. Те «кусачие Маши» и железные кровати учили нас искать своих. Сегодня я знаю: неважно, насколько страшен «кто-то под крышкой», если ты веришь, что твой человек обязательно вернется.

Янтарное спасение: Абрикосовое лето

Если у счастья есть цвет, то для меня это не лазурь моря и не золото песка. Это цвет спелого, налитого кавказским солнцем абрикоса. Полупрозрачный янтарь, сквозь который, кажется, можно увидеть косточку; мягкий, бархатистый бочок с едва заметным пушком и та самая, единственная капля сладкого сока, застывшая в ложбинке плода.

В моем грозненском детстве лето не пахло солью или прохладой. Оно пахло раскаленным сахаром, сушеной кожурой и липким зноем. Наши деревья не просто росли – они трудились. Огромные ветви буквально стонали, склоняясь до самой земли под тяжестью оранжевого золота.

– Наташа, калитку закрой! – мамин голос звучал сухо и отчетливо, как щелчок засова. – Нечего на улице без дела маячить. У порядочной девочки всегда есть работа в доме.

Я помню, как замирала у этой калитки. Прижавшись лбом к прохладному металлу, я смотрела в узкую щелочку на «другую» жизнь. Там, в пыльных вихрях дороги, бегали соседские дети. Их смех казался мне самой прекрасной музыкой, а игра в «классики» – верхом свободы. Но мамины правила были моим невидимым забором. «Гулять по улице – признак дурного тона». Эта фраза была границей моего мира.

Но там, где мама ставила забор, папа строил мост. – Ну что, труженица, пойдём наше золото спасать? – он весело гремел железными ведрами, и этот звук означал начало игры.

Мы собирали абрикосы часами. Воздух вокруг деревьев становился густым, как сироп. Моей задачей было следить за огромными противнями, выставленными на солнце. Я помню свои вечно липкие пальцы и это головокружительное ощущение власти – я была маленькой хозяйкой янтарного царства. Я бережно переворачивала подсохшие, сморщенные половинки, вдыхая их концентрированный, почти дурманящий аромат.

Мы делали пастилу – тягучую, с кислинкой, которая заставляла зажмуриваться от удовольствия.

– Пап, а зачем нам столько? – спрашивала я, подпрыгивая на сиденье нашей машины, забитой ведрами доверху. – Чтобы зимой у всех детей жизнь была сладкой, Наташка! – папа смеялся, и его радость была такой же яркой, как эти фрукты.

Но однажды сладость кончилась. Мир вокруг нас стал серым и колючим. Наступили 90-е.

Я помню, как изменились лица родителей. В них появилось что-то каменное. Зарплату на заводе не платили месяцами, а холодильник превратился в пустой, холодный шкаф. В тот год лето, будто издеваясь, выдало рекордный урожай. Абрикосов было столько, что земля под деревьями стала оранжевой.

– Мам, а хлеб будет? – мой вопрос повис в тишине кухни. Мама не обернулась. Её спина, как всегда прямая, казалась в тот момент натянутой струной. Я видела, как чуть заметно дрогнули её руки, сжимающие пустой нож. – Ешь абрикосы, дочка. И пастилу. Это наше спасение.

Несколько бесконечных недель мы жили в оранжевом плену. Абрикосы на завтрак, сушеные дольки на обед, пастила на ужин. Мы были «богаты» тоннами изысканных плодов, но у нас не было ни копейки на простую буханку серого хлеба. Это было странное, горькое богатство.

Папа пропадал на подработках, возвращаясь черным от усталости. И когда он, наконец, принес домой первую заработанную буханку, мы смотрели на неё, как на священный дар. Но запах... запах тех перезрелых, липких абрикосов навсегда впитался в мою память как запах Выживания.

Сегодня я смотрю на те годы иначе. Мамина дисциплина и «закрытая калитка» научили меня терпению и умению концентрироваться на главном. Папино «золото» научило меня видеть возможности там, где другие видят просто мусор под ногами.

А дерево абрикоса научило меня главному закону жизни: Вселенная всегда дает нам шанс. Главное – не лениться его собрать, высушить и превратить в свою силу. Жизнь может быть горькой, как 90-е, но внутри неё всегда спрятан янтарный бочок спелого фрукта.

Узоры на ковре и холодный февраль

Если долго всматриваться в хитросплетения шерстяных нитей на настенном ковре, то можно увидеть, как оживают целые миры. Если у детского воображения есть свой путь, то мой пролегал через густые ворсистые леса, извилистые дороги и таинственные города, спрятанные в геометрических фигурах над моей кроватью.

В детстве сон не всегда приходил ко мне по первому зову. Я лежала в темноте, и страх – липкий, необъяснимый – нашептывал, что если я не усну, случится что-то непоправимое.

– Мам, я не могу... – шептала я, когда дверь приоткрывалась, впуская полоску света из коридора. – Мне страшно, что сон не придет.

Мама садилась на край кровати, и от неё пахло чем-то родным и успокаивающим. Она доставала маленькую белую баночку. – Не бойся, Наташенька. У меня есть волшебные таблетки для сна. Вот, выпей одну, и сны сами тебя найдут.

Это были всего лишь простые витаминки, но для меня они становились мощнейшим щитом. Я проглатывала «магию», слушала мамин голос, читающий сказку, и постепенно узоры на ковре превращались в добрых стражников моего покоя.

Но главным моим учителем в этом мире была бабушка. Она открыла мне дверь в мир слов, когда мне было всего три года. Пока другие дети только учились складывать кубики, я

уже выводила слоги. – Guten Morgen, Наташа! – улыбалась она, вплетая в русскую речь строгие, но красивые немецкие слова. – Sag: «Danke». Будь вежливой с этим миром, и он откроется тебе.

Бабушка была моим интеллектуальным фундаментом. Но её присутствие в моей жизни было отмечено коротким сроком – всего десять лет.

Я отчетливо помню то утро. Февраль. Февраль всегда пахнет застывшей сталью и колючим снегом. Я проснулась от странной тишины, которая была тяжелее любого шума. В тот ранний час, когда небо еще было серым, я поняла: бабушка ушла.

В тот миг моя детская душа впервые «окаменела». Это было не просто горе, это было ощущение, что из фундамента моего мира выбили самый важный камень. Холод февраля тогда пробрался под одеяло, и никакие «волшебные витаминки» больше не могли вернуть тот беззаботный сон. Я стала старше за одно утро.

Самшитовые исполины: Вечность в зелёных лабиринтах

В моем грозненском детстве жили великаны. Они не были героями сказок братьев Гримм, они не носили сапог-скороходов. Мои великаны были неподвижными, мудрыми и пахли вечностью. Это были старые, густые кусты самшита, вы-

строившиеся бесконечным почетным караулом вдоль гранитной набережной реки Сунжи.

Для взрослых это была просто городская флора, «зеленая зона», элемент ландшафтного дизайна. Для нас же с Раей это были живые стены древнего лабиринта.

Выходные после тяжелой рабочей недели на нефтеперерабатывающем заводе были для наших родителей священным временем тишины. Мы часто гуляли вчетвером: мама, папа и наши близкие друзья – семья моей одноклассницы Раи. Наши родители неспешно плыли по аллеям, погруженные в свои «взрослые» разговоры о планах, сменах и быте. А мы с Раей в этот момент переставали быть просто девочками в накрахмаленных гольфах. Мы становились лесными нимфами, хранительницами берега.

Мы бежали вперед, к ним – к моим зеленым исполинам.

Самшит пахнет по-особенному. Это не цветочная сладость и не свежесть скошенной травы. Его аромат – густой, древесный, с отчетливой благородной горчинкой. Так пахнет в старых библиотеках или в лесах, где время замедляет свой ход. Когда солнце Грозного раскаляло набережную, самшит начинал «дышать», выбрасывая в воздух этот терпкий, почти осязаемый дух.

Мы ныряли в самую гущу веток, мгновенно исчезая из мира асфальта и строгих взглядов. Внутри куста царила иная реальность. Там всегда было на несколько градусов прохладнее. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь мел-

кую, кожистую листву, дробились на тысячи тонких золотых игл, которые вышивали узоры на наших платьях.

– Рая, замирай! – шептала я, и мы затаивали дыхание. – Слышишь? Сунжа поет...

Мы сидели на мягкой, прохладной земле, прижав коленки к подбородкам. Листья самшита – твердые, гладкие, как лакированные – ласково касались наших щек. В этой «зеленой пещере» мы были в абсолютной безопасности. Весь огромный мир с его грохочущими заводами, очередями за хлебом и невидимыми тревогами взрослых оставался там, снаружи. Здесь были только мы, запах древней древесины и наша тайна.

– Наташка! Рая! Куда же вы пропали? – доносился издали притворно-тревожный голос моего папы. – Неужели лесные феи решили украсть наших девочек и оставить нас одних?

Мы переглядывались, зажимая рты ладонями, чтобы не выдать себя преждевременным смехом. В эти секунды мы чувствовали себя самыми важными, самыми нужными «находками» во всей Вселенной. Нам не нужны были куклы или дорогие аттракционы. Нам было достаточно этого зеленого укрытия, верной руки подруги рядом и уверенного голоса отца, который обязательно нас найдет.

Мы выпрыгивали из кустов, как чертики из табакерки, осыпаясь мелкими листочками, и воздух оглашался нашим

звонким, ничем не сдерживаемым смехом. Тогда казалось, что эти самшиты будут стоять здесь вечно, Сунжа никогда не обмелеет, а наша дружба – это константа, на которой держится мир. Мы верили, что вся наша жизнь будет такой: залитой солнцем, пахнувшей прогретым камнем набережной и горьковатой свежестью «железного дерева».

Детское счастье – оно безусловное, как закон гравитации. Оно не требует доказательств. Ему достаточно надежной руки родителя, куста самшита и друга, с которым не страшно разделить тишину «зеленой пещеры». Именно этот запас чистого, золотого света мы берем с собой в дорогу как неприкосновенный запас. И когда жизнь решает проверить нас на прочность, мы просто закрываем глаза и возвращаемся туда – в прохладную глубину самшитового куста, где нас всегда найдут и всегда спасут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.